

А.В. Щетинина, А.Н. Кислицина

ЯЗЫК НАСИЛИЯ: ВЕРБАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ НОВЫХ ФОРМАТОВ КОММУНИКАЦИИ*

Рассматривается вопрос о неологизмах со значением насилия, которые называют явления, процессы, лица, обстоятельства из разных сфер жизнедеятельности человека. Отмечается, что появление новой лексики, описывающей враждебные отношения, в последние годы обусловлено социальными катаклизмами, такими как пандемия коронавирусной инфекции, политическими событиями, в частности присоединением Крыма, и другими обстоятельствами. Показано, что появление значительного слоя неолексик обусловлено развитием интернет-взаимодействия, где возможность публично и в то же время анонимно выразить свое мнение порождает новые форматы коммуникации, в том числе связанные с насилием.

Ключевые слова: неологизм, язык вражды, интернет-коммуникация, семантика.

A.V. Shetinina, A.N. Kislitsina

LANGUAGE OF VIOLENCE: VERBAL REPRESENTANTS NEW COMMUNICATION FORMATS**

The article deals with the question of neologisms with the meaning of violence, which name phenomena, processes, persons, circumstances from different spheres of human life. It is noted that a new vocabulary describing hostile relations has been actively appearing in recent years in connection with social cataclysms, such as the coronavirus infection pandemic, political events, in particular the annexation of the Crimea. It is shown that the emergence of a significant layer of neolexics is due to the development of Internet interaction, where the ability to publicly express one's opinion and anonymity gives rise to new communication formats, including those related to violence.

Keywords: neologism, hate language, Internet communication, semantics.

В последние десятилетия русский язык активно пополняется лексикой, называющей враждебные отношения как в институциональной сфере, так и в области межличностного социального взаимодействия. Исследователи языковых процессов в современной коммуникации отмечают,

что «проблема интерпретации и оценки новых явлений в современном русском языке как отражения определенных когнитивных, культурных и коммуникативных приоритетов современного общественного сознания представляется чрезвычайно актуальной» [5, с. 64]. Так, за период пандемии

* Исследование выполнено в Уральском федеральном университете за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс.

** The research was carried out at Ural Federal University at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 20-68-46003 Semantics of unity and enmity in Russian vocabulary and phraseology: system-language data and discourse.

Щетинина Анна Викторовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков массовой коммуникации. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург. Сфера научных интересов: лексическая семантика, язык массмедиа, лексикография, идеографическое описание социально-политической лексики. Автор более 50 опубликованных научных работ.

Электронная почта: anna-73.schetinina@yandex.ru

Кислицина Анна Николаевна

лаборант-исследователь кафедры языков массовой коммуникации. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург. Сфера научных интересов: лексическая семантика, язык массмедиа, социальная лексика. Автор 3 опубликованных научных работ.

Электронная почта: Annakislictsina@yandex.ru

коронавирусной инфекции русский язык пополнился лексикой, которая называет понятия, связанные не только непосредственно с болезнью и ее лечением, но и с взаимоотношениями, в том числе конфликтными, человека и государства, человека и общества, человека и человека. Об актуальности изучения «лексики коронавирусной эпохи» свидетельствует большое количество лингвистических публикаций, посвященных как языковому аспекту появления и функционирования неолоксики, так и вопросам ее дискурсивного функционирования [1; 5; 7; 10]. Санкт-петербургскими учеными составлен «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [8], который включает слова тематических групп, связанных с конфликтной коммуникацией, поскольку отношение к вирусу, борьбе с ним, вакцинации у людей различно. Так, население разделилось на масочников и антимасочников, перчаточников и антиперчаточников, карантинистов и антикарантинистов и др. Кроме того, в институциональной сфере появились новые выражения, например, *вакцинная дипломатия*, *вакцинная война*, *вакцинный национализм* и др. Можно констатировать, что

сформировался большой пласт новой лексики, характеризующей конфликтное общение, например, антимасочники выступают против насилия по отношению к ним, поскольку не хотят носить обязательные для всех в общественных помещениях средства защиты, и даже нападают на сторонников масочного режима, а последние выражают раздражение в адрес людей, отказывающихся надевать маску, о чем постоянно сообщают средства массовой информации: «Пандемия разделила людей на “масочников” и “антимасочников” – СМИ регулярно сообщают о стычках между ними» (Газета.Ru). В это же время государства «воюют» за возможность продавать свою вакцину другим странам: «Мы на пороге **первой мировой вакцинной войны?** <...> США решили начать наступление на **вакцинном фронте**. Ранее Вашингтон обвинял Москву и Пекин в том, что те ведут “вакцинную дипломатию”, распространяя свои препараты, добиваясь роста влияния на соответствующие страны» (Вечерняя Москва).

Неологизмы, описывающие враждебные отношения, появляются в большом количестве и вне коронавирусной тематики,

поскольку социально-политическая жизнь богата и другими событиями. Новые слова образуют различные тематические группы, в том числе объединяющие номинации явлений из сферы институциональных отношений. Так, политические события 2014 года обусловили появление новых языковых фактов – *крымнаш/крымненаш, крымнашисты, крымнашизм, крымнашистский*, а также образное переосмысление словосочетаний *крымская весна, вежливые люди, зеленые человечки*; новые наименования получают разного рода выступления в поддержку или против идеи, события, лица, а также реалии, которые связаны с протестными мероприятиями: *оранжевая революция, революция норковых шуб, снежная революция, марш миллионов, город бесов* и др. Важно отметить, что в основе многих номинаций лежит образность. Исследователи современного русского языка говорят о том, что активное общение в социальных сетях, геймерство, возможность публично выражать свою позицию, анонимность, установка на активное привлечение адресата (читателей, зрителей, слушателей, подписчиков) и другие особенности современной коммуникации мотивируют специалистов и неспециалистов, пишущих статьи для СМИ, посты в сетях и так далее, на проявление речевой креативности [1; 3; 4; 5; 6; 9]. Более того, «приватное интернет-общение виртуально и в бытовом смысле неотвественно, ненадежно и “несерьезно”; оно склонно к розыгрышам, ёрничеству и мистификациям» [3, с. 167].

Кроме того, в неинституциональном социальном взаимодействии (в неформальном общении в рабочем коллективе, в подростковых группах, дружеском, семейном и др. взаимодействии, сообществах в интернет-коммуникации) также появляется новая лексика с семантикой конфликта, предполагающего применение психоло-

гического, физического и/или экономического насилия. Значительный пласт неологизмов называет враждебные отношения внутри разных коллективов: *абьюзинг, боссинг, буллинг, моббинг* и др.; в межличностных неформальных отношениях, например в семье, с соседями, незнакомыми людьми: *газлайтинг, неглект, stalking* и др.; в виртуальном взаимодействии: *кибербуллинг, интернет-троллинг, хейтинг* и др. Большая часть этих слов образует производные, называющие участников коммуникации (*абьюзер, газлайтер, хейтер* и др.), коммуникативные действия (*абьюзить, газлайтить, хейтить* и др.), характеристики взаимодействия и его участников (*абьюзивный/абьюзерский, газлайтовый/газлайтерский, хейтинговый/хейтерский* и др.) и тому подобное. Деривационный потенциал неологизмов со значением вражды обусловлен активностью их употребления в речи носителей русского языка.

Работа по созданию «Толкового словаря лексики единения и вражды в русском языке 2000–2020 годов» [11], в которой принимают участие авторы статьи, позволила установить, что значительную часть новых слов указанных тематических групп можно объединить в лексико-семантические множества в соответствии с идеограммами, ключевым компонентом которых выступает сема «насилие», например «насилие над человеком, совершаемое группой людей с целью подавления воли жертвы», «человек, совершающий насилие над другим человеком с целью подавления воли жертвы», «совершать насилие над человеком группой людей с целью подавления воли жертвы» и др. Отметим, что сегмент языковой картины мира, связанный с феноменом насилия в его разных формах – физической, сексуальной, психологической, социальной, экономической – в последние десятилетия пополняется очень активно.

Особое внимание обращает на себя сфера интернет-коммуникации, где отношения, связанные с насилием, проявляются в новых формах, например: *треш-стрим* – «сет. жарг. прямая видеотрансляция в Интернете, за которую зрители платят деньги, демонстрирующая унижение жертвы (иногда самого видеоблогера), насилие над ней, в ряде случаев вплоть до смертельного исхода». При этом многие материалы в интернет-дискурсе, посвященные этому явлению, имеют большое количество просмотров: «*Девушка Умерла НА ТРЭШ Стриме Панини (Reeflay)*» (2 млн просмотров), «*Очередной трэш-стрим. Изнасиловали хозяйку и разрушили квартиру*» (619 тыс. просмотров) и так далее. Можно говорить о том, что участниками «треш-стримерской коммуникации» становятся не только сами стримеры и их жертвы, но и зрители: «*А в феврале смертью закончился треш-стрим в Смоленске. Ареной трагедии стал канал “Первый шаг в Ютуб”, где демонстрировались издевательства над маргиналами. Его создатель усаживал перед камерой спившихся людей, которым зрители присылали донаты на алкоголь. За выпивку герои роликов терпели пощёчины, удары и другие глумления. Одна из трансляций закончилась гибелью человека на глазах у полутора сотен подписчиков*» (АиФ). Это относительно новое для российского социума явление получило воплощение в языке – появились номинации самой видеотрансляции насилия (*треш-стрим*), организаторов данной трансляции (*треш-стример*, *треш-стримерша*), денег, которые платят зрители (*подписчики*) за просмотр и возможность «заказывать» виды унижения участника насилия (*донаты*).

Анализ неологизмов, появившихся в русском языке в последние двадцать лет, показывает, что можно выделить значительное количество лексем и выражений, репрезентирующих насилие как форму коммуника-

ции, которая не только воплощает в себе вражду, но и становится основанием для объединения людей, официально не считающегося криминальным. В этом смысле интересно замечание К.В. Еленской, которой предпринята попытка осмысления понятия «насилие» и его границ: «Важно осознать, что насилие – не универсальное понятие, оно основывается на субъективном восприятии той или иной ситуации в зависимости от принятых конкретным социумом норм, правил и традиций. Однако при всей субъективности оценки под насилием всегда понимается действие, на которое в принципе невозможно получить согласие лиц, на которых оно направлено, поскольку интересы и права объекта насилия не принимаются во внимание лицом, совершающим акты насилия» [2, с. 391]. Если первая часть цитаты не вызывает возражения, то утверждение о принципиальной невозможности получить согласие жертвы на насилие в отношении нее не так однозначно. В статьях, посвященных треш-стримам, часто указывается: «*Жертвы треш-стримов зачастую заявляют, что не против издевательств, ведь они тоже зарабатывают на них*» (Газета.Ру); «*В присутствии сотрудников УМВД по Брянской области и адвоката мужчина написал заявление о том, что участвует в треш-стримах добровольно и не имеет никаких претензий*» (АиФ). Принятие агрессии жертвой, на наш взгляд, еще одно подтверждение того, что насилие является формой коммуникации, имеющей амбивалентный характер вражды и объединения, что воплощается в том числе в появлении неологизмов с соответствующей семантикой.

В первую очередь это слова, которые обозначают разные формы насилия в отношении одного человека или группы лиц, совершаемые другим человеком или группой лиц. Так, лексемы *абьюз*, *абьюзинг* и *абьюзмент*, обозначающие одно понятие, можно определить как «физи-

ческое, психологическое, экономическое насилие, которое осуществляется одним человеком или группой лиц в отношении другого человека или группы лиц с целью подавления воли жертвы». Потенциальная сема «объединение» выявляется также на основе анализа речевого употребления данных слов и их производных, например, отношения абьюзера и жертвы могут длиться годами: «*Обычно абьюзивные отношения длятся годами*» (Яндекс.Дзен); жертву тянет к абьюзерам: «*Если же вы замечаете тенденцию к такой форме отношений – вас “тянет” к потенциальным абьюзерам – специалист поможет проработать причины такого влечения и устранить его*» (Яндекс.Дзен) и др.

Семантика объединения присутствует в значении слов *буллинг* – агрессивное преследование с целью унижения одного из членов коллектива или нескольких лиц другим его членом или группой лиц (чаще всего в школьном коллективе); *травля* и *моббинг* – форма психологического и/или физического насилия, проявляющаяся в травле члена коллектива с целью вынудить его к уходу, увольнению и др. Отметим, что, судя по большей части контекстов, семантическое разграничение проходит по линии типа коллектива: школьного в случае буллинга и взрослого, рабочего, если речь идет о моббинге. Кроме того, в некоторых случаях указывается на роль руководителя в такого рода явлениях насилия: «*При буллинге конфликт происходит среди равных лиц (одноклассников, студентов), и вышестоящие лица редко имеют о нём представление. В случае же моббинга руководство может занимать одну из позиций: Быть непосредственным организатором травли, поддерживать ее. Игнорировать происходящее, делать вид, что ничего не происходит. Осуждать мобберов, предпринимать попытки прекратить издевательства в коллективе*» (FindMyKids Blog).

Для нашего исследования важно, что оба слова обозначают насилие, которое в свою очередь представляет собой форму коммуникации, в том числе являясь основанием объединения людей в группу для травли жертв. *Буллинг* и *моббинг* осуществляются в коллективе, есть актер (*буллер*, *моббер*), осуществляющий действие (*буллить*, *моббить*) в отношении жертвы, которая реагирует на воздействие определенным образом. Интересно, что не появилось новых однокоренных слов, обозначающих саму жертву или ее реакции на травлю, в случае когда агрессору удается подавить объект воздействия, при том что такого рода насилие – довольно распространенное явление: «*Примерно каждый четвертый российский школьник (27,5%) сталкивается с травлей со стороны сверстников*» (lenta.ru). Однако появились производные лексемы, называющие противодействие *буллеру* и *мобберу*. Наиболее частотны лексемы *антимоббинг* (защита человека, который подвергается психологическому и/или физическому насилию в коллективе), *контрмоббинг* (ответные защитные меры, того же характера, что и моббинг, которые принимает человек, подвергающийся психологическому и/или физическому насилию в коллективе): «*Это, конечно, крайний вариант, поэтому я предлагаю вам научиться использовать антимоббинг и контрмоббинг, хотя методов управления процессом моббинга очень мало*» (b17.ru). Значительно реже употребляются слова *антибуллинг* и *контрбуллинг*.

Итак, в последние годы русский язык активно пополняется неологизмами со значением насилия, образующими лексико-семантическое поле, включающее как научные термины (из сфер психологии, социологии), так и жаргонные единицы. Количественное преимущество при этом имеют заимствования из английского языка, фиксирующие самые разные виды «коммуникативных девиаций».

Литература

1. Буцева Т.Н., Зеленин А.В. Лексикография в ситуации неологического экстрима (на материале неологизмов, связанной с пандемией коронавируса // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2020. № 6 (99). С. 86–105.
2. Еленская К.В. Лингвистический паспорт лексемы «насилие» // Преподаватель XXI век. 2020. № 4–2. С. 386–392.
3. Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2(12). С. 165–185.
4. Никитевич А.В. Словообразовательная лексикография и язык Интернета // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 3: Филология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 8. № 1. С. 52–58.
5. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.
6. Ребрина Л.Н. Семантико-мотивационные характеристики неологизмов вражды: дискурсивное раскрытие внутренней формы слова // Научный диалог. 2020. № 8. С. 141–155. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155.
7. Северская О.И., Селезнева Л.В. Рефрейминг идиом и паремий в коронавирусном дискурсе // Слово.ру: Балтийский акцент. 2021. Т. 12. № 1. С. 96–109.
8. Словарь русского языка коронавирусной эпохи // Сост. Е. С. Громенко [и др.]; отв. ред. М.Н. Приемшова. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
9. Филатова М.В., Максименко О.И. Язык Интернета 2015–2018 годов: основные особенности // Вопросы прикладной лингвистики. 2019. № 4 (36). С. 100–122. DOI 10.25076/vpl.36.05.
10. Чернова О.Е., Оситова А.А., Позднякова Н.В. «Мир никогда не будет прежним»: актуальные фразеологизмы в период пандемии коронавируса // Научный диалог. 2021. № 5. С. 140–153. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-140-153.
11. Щетинина А.В. Ватник, брексит и крымнаш: к вопросу о лексикографировании новых слов с семантикой единения и вражды // Научный диалог. 2021. № 3. С. 139–155. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155.

References

1. Buceva T.N., Zelenin A.V. (2020) Leksikografiya v situacii neologicheskogo ekstrima (na materiale neoleksiki, svyazannoj s pandemiej koronavirusa [Lexicography in a situation of geological extreme (based on the vocabulary associated with the coronavirus pandemic)]. *Bulletin of the Cherepovets State University*. No 6 (99). Pp. 86–105. (In Russian).
2. Elenskaya K.V. (2020) Lingvisticheskij pasport leksemy «nasilie» [Linguistic passport of the lexeme “violence”]. *Teacher of the XXI century*. No 4–2. Pp. 386–392. (In Russian).
3. Mechkovskaya N.B. (2006) Estestvennyj yazyk i metayazykovaya refleksiya v vek Interneta [Natural language and metalanguage reflection in the Internet Age]. *Russian Language in scientific coverage*. No 2 (12). Pp. 165–185. (In Russian).
4. Nikitevich A.V. (2018) Slovoobrazovatel'naya leksikografiya i yazyk Interneta [Word-formation lexicography and the language of the Internet]. *Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University*. Ser. 3: Philology. Pedagogy. Psychology. Vol. 8. No 1. Pp. 52–58. (In Russian).

5. Radbil' T.B., Raciburskaya L.V., Paloshi I.V. (2021) Aktivnye processy v leksike i slovo-obrazovanii russkogo yazyka epohi koronavirusa: lingvokognitivnyj aspekt [Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language of the coronavirus era: linguo-cognitive aspect]. *Scientific Dialogue*. No 1. Pp. 63–79. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.
6. Rebrina L.N. (2020) Semantiko-motivacionnye harakteristiki neoleksem vrazhdy: diskursivnoe raskrytie vnutrennej formy slova [Semantic and motivational characteristics of neolexem enmity: discursive disclosure of the inner form of the word]. *Scientific Dialogue*. No 8. Pp. 141–155. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155.
7. Severskaya O.I., Selezneva L.V. (2021) Refrejming idiom i paremij v koronavirusnom diskurse [Reframing idioms and paremias in coronavirus discourse]. *Word.ru: Baltic accent*. Vol. 12. No 1. Pp. 96–109. (In Russian).
8. Gromenko E.S. (2021) *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoj epohi* [Dictionary of the Russian language of the Coronavirus era]. St. Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. 550 p. (In Russian).
9. Filatova M.V., Maksimenko O.I. (2019) Yazyk Interneta 2015–2018 godov: osnovnye osobennosti [Internet language 2015-2018: main features]. *Questions of Applied Linguistics*. No 4(36). Pp. 100–122. (In Russian). DOI 10.25076/vpl.36.05.
10. Chernova O.E., Osipova A.A., Pozdnyakova N.V. (2021) «Mir nikogda ne budet prezhnim»: aktual'nye frazeologizmy v period pandemii koronavirusa [“The world will never be the same”: actual phraseological units during the coronavirus pandemic]. *Scientific Dialogue*. No 5. Pp. 140–153. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-140-153.
11. Shchetinina A.V. (2021) Vatnik, breksit i krymnash: k voprosu o leksikografirovanii novyh slov s semantikoj edineniya i vrazhdy [Quilted jacket, Brexit and our Crimea: on the issue of lexicography of new words with the semantics of unity and enmity]. *Scientific Dialogue*. No 3. Pp. 139–155. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155.